

—

Перед восточным гостевым залом храма Синчжи рос один банан, две финиковые пальмы, несколько сливовых деревьев. В октябре они распустили бутоны, и сад был наполнен ароматом.

Шелестели опавшие листья, а вместе с ними в отчаянии стояли на коленях перед дверью около десяти человек. Впереди был старый лекарь, за ним два молодых, а затем — императорская стража в чёрных одеждах.

Старый лекарь едва держался, и молодой лекарь не выдержал, обращаясь к суровому черноволосому охраннику: «Генерал Чэнь, когда, наконец, проснётся маркиз? Я прибыл по императорскому указу, чтобы лечить его, но маркиз только заставляет нас стоять на коленях и не пускает. Что это за логика?»

Чэнь Юань и его младший брат Чэнь Юаньцин были двумя крупными полководцами под началом маркиза Динбэй Сяо Фу. Оба были редкими мастерами, способными во всём Цзиньлине, полном мастеров, войти в пятёрку лучших.

Во дворе под банановым деревом сидел мальчик с чертами тюркского варвара. Он сидел на стуле, склонившись над шахматной доской с чёрно-белыми фигурами, и грыз грушу, словно размышляя, как решить партию.

Императорская стража не знала этого ребёнка, они видели только братьев Чэнь, но Чэнь Юань был беспристрастен, с суровым лицом и грубыми бровями, и резко сказал: «Не хочешь стоять на коленях, тогда катись обратно во дворец!»

«Но мы даже не видели маркиза! Как мы доложим Его Величеству?»

«Скажите, что маркиз тяжело ранен и нуждается в покое, и пусть Его Величество не посылает никого, чтобы его беспокоить».

Старый лекарь больше не мог стоять на коленях. Юань, видя, что он вот-вот потеряет сознание, сказал: «Доктор Чжан, присядьте».

Доктор Чжан медленно опустился на землю, тяжело дыша: «Спасибо... генерал Чэнь, но сегодня, если я не увижу маркиза, я не встану».

«Хм, тогда стойте на коленях».

Доктор Чжан, видя, что он не поддаётся ни на мягкие, ни на жёсткие уговоры, айкнул, хлопнул себя по бедру и жалобно закричал: «Маркиз, молодой господин, господин Сяо!»

Отец Сяо Фу был герцогом Чанго первого ранга в династии Е, а мать Сяо Фу была его второй женой и принцессой княжества Юньнань. С самого рождения Сяо Фу был рождён с золотой ложкой во рту и должен был унаследовать титул.

До того, как он получил титул военного маркиза первого ранга, Сяо Фу был объектом зависти в устах других, называемый молодым господином.

Позже он служил при императорском дворце, помогая своей сестре, которая была старше его на двенадцать лет. Когда наследный принц, рожденный императрицей Сяо, преуспел в своих

притязаниях на престол, Сяо Фу получил титул военного маркиза.

Его удача длилась недолго, семь лет назад молодой император, опасаясь его, публично повысил его в должности, а на самом деле тайно понизил, сослав его на границу охранять перевал.

Живя на границе в окружении лугов коров и овец, под солнцем и луной, Сяо Фу от природы был снисходителен.

У него не было такой жажды власти, как у других, поэтому он просто ушёл на границу.

Когда не было войн, Сяо Фу один ездил по степи, иногда ложился на траву, и овцы окружали его. Эти животные были умны, он протягивал руку, и они позволяли себя гладить, сколько угодно. Сяо Фу блеял, и овца тоже блеяла в ответ, они понимали друг друга, могли общаться.

Так и прошли семь лет.

Месяц назад прибыл тайный указ: император велел ему вернуться в Цзиньлин без лишнего шума и с минимальным сопровождением.

Это означало, что он не должен был приводить с собой войска.

Одновременно с тайным указом прибыло и тайное письмо от его старшей сестры, императрицы-матери Сяо. Письмо было коротким, без лишних слов, лишь настоятельное требование немедленно вернуться.

Сяо Фу понял, что во дворце произошли какие-то перемены, приближалась буря, поэтому его так срочно звали обратно в Цзиньлин.

Какая бы ни была перемена, его это не касалось.

Он не мог управлять этим миром семьи Увэнь.

Случилось так, что перед въездом в Цзиньлин на него напали, и Сяо Фу просто остался в храме Синчжи.

Врачи приезжали уже три дня, но так и не видели господина Сяо.

А тем временем господин Сяо, искупавшись в горячем источнике на задней горе, с двумя мандаринами в кармане, незаметно вернулся в восточный гостевой зал даосского храма. Это был самый лучший гостевой зал, с большим двором, где росли белые сливы, поэтому его называли Залом Холодной Сливы. Рядом со спальней было три боковых комнаты, он жил там без притязаний, это было намного лучше, чем в крепости на границе.

Когда Сяо Фу вернулся, его настроение казалось хорошим. Он бросил два мандарина: «Цзинь Цзунь».

Мальчик из варварского племени, которого звали Цзинь Цзунь, одной рукой поймал мандарины и, обняв шахматную доску, стал просить его поиграть в шахматы.

«Господин, сыграем в шахматы!»

«Цзинь Цзунь, иди сюда». Сяо Фу поднял полы своего белоснежного халата и сел: «подавай шахматную доску».

Тюркский мальчик был найден Сяо Фу на поле боя, его имя было очень длинным. Глаза этого ребёнка были как у овцы, чистые и прозрачные. Сяо Фу учил его говорить по-китайски, но за многие годы он так и не научился, всегда выговаривал лишь по несколько слов.

Сяо Фу просто дал ему китайское имя.

Цзинь Цзунь по своему характеру был не старше десяти лет, это было видно по глазам.

Поэтому Сяо Фу, когда смотрел на человека, прежде всего смотрел ему в глаза. Каких бы демонов или монстров ни было, он мог распознать их с первого взгляда.

Цзинь Цзунь любил играть в шахматы, хотя играл очень плохо. Сяо Фу редко играл с ним, но он сам находил себе развлечение, играя сам с собой.

Сяо Фу держал в руке белую фигуру, а краем глаза заметил Чэнь Юань, рассказывающего снаружи.

«Юань», — позвал его Сяо Фу.

«Господин, Юань здесь».

Сяо Фу, не поднимая головы, сжал в ладони горсть тёплых белых фигур, его голос был тихим и чистым: «Они всё ещё не ушли, всё ещё стоят на коленях?»

«Всё ещё стоят на коленях, говорят, что не могут вернуться во дворец без встречи с господином. Господин, доктор Чжан уже в таком возрасте, но характер у него очень упрямый...»

«Тогда пусть продолжает стоять на коленях».

Чэнь Юань: «Может быть, мне оглушить его?»

Сяо Фу поднял веки и взглянул на него.

Чэнь Юань: «...Я пошутил».

Сяо Фу улыбнулся и продолжил делать ход: «Хорошо, тогда оглуши его. Пусть императорская стража заберёт его обратно, и пусть больше не приходят».

—

Когда Линь Цзыкуй и Мо Лю вернулись, глаза Линь Цзыкуя были под лекарством. Мо Лю обошёл и взглянул на восточный гостевой зал. Он стоял издали и видел, что перед дверью «второй госпожи Сяо» стояли на коленях множество людей, все мужчины, старые и молодые, сильные и слабые.

«Странно», — сказал Мо Лю, — «это что, наказание слуг?»

Тут же Мо Лю увидел, как крепкий мужчина, не говоря ни слова, оглушил старика.

«Учитель!»

«Доктор Чжан!»

Мо Лю плохо слышал, лишь видел, как группа людей кричала. Голос крепкого мужчины был ещё тише, словно он добродушно уговаривал. Через некоторое время два кажущихся хрупкими юноши, один слева, другой справа, подняли старика. Они не забыли поклониться дому, а затем группа мужчин, похожих на солдат, сопроводила троих прочь.

Сев в карету, доктор Чжан открыл глаза.

«У-учитель?»

«Вы не потеряли сознание?!»

Доктор Чжан кивнул: «Я притворился. Генерал Чэнь действует мягко, а если бы я не притворился, что бы произошло, если бы он действовал жёстко?»

«Но Его Величество...» Молодой лекарь не договорил.

«Тогда, как мы вернёмся во дворец, как доложим Его Величеству и императрице-матери?!»

Доктор Чжан вытер пот со лба и сказал: «С маркизом, скорее всего, всё в порядке. Если бы что-то было, генерал Чэнь определённо пустил бы меня к нему, чтобы осмотреть. Маркиз очень живуч. Пойдёмте, вернёмся во дворец и доложим, как он сказал. В ближайшее время маркиз не захочет возвращаться во дворец». Доктор Чжан закрыл глаза, выражение его лица было немного обеспокоенным.

Мо Лю некоторое время внимательно наблюдал, чувствуя, что что-то не так, затем повернулся и доложил: «Господин, я всё видел. В том восточном гостевом зале живут люди. Довольно много мужчин стояли на коленях у двери, они даже били старика!»

Он не мог чётко описать, но Линь Цзыкуй уловил один подозрительный момент.

«Ты сказал, что все, кто входил и выходил, были мужчины?»

«Да! Все мужчины».

«Если вторая госпожа живёт там, то у неё обязательно должны быть служанки. Там, наверное, живёт не вторая госпожа».

«Господин, не волнуйтесь, я сейчас же пойду разведую!»

«Эй? Подожди, Мо Лю...»

Мо Лю начал переодеваться: «Здесь есть даосский халат, подаренный даосом Линьюанем. Я надену его, пойду взгляну, и всё станет ясно. Ничего страшного, господин, я молод, вы всегда говорите, что мне двенадцать, а ростом я как восьмилетний, они ничего мне не сделают».

Линь Цзыкуй не знал, что и сказать: «...Тогда иди и быстро возвращайся».

«Не волнуйтесь, господин».

Мо Лю закрыл дверь и вышел.

Линь Цзыкуй, с завязанными глазами, сидел под деревом перед дверью. Ещё не наступил нужный час, и лекарство ещё не полностью подействовало, поэтому повязку нельзя было снимать.

Ветер дул, и ему стало холодно. Линь Цзыкуй опустил голову, плотнее закутался в плащ, прикрывая уши воротником из кроличьего меха.

Тем временем Мо Лю, крадучись, едва приблизился к восточному гостевому залу, как его схватила большая рука.

«Малыш, откуда ты взялся?»

Мо Лю вскрикнул «ах», поднял голову, глядя на этого грубого, свирепого мужчину с густыми бровями и глазами, как медные колокола, и в панике сказал: «Я, я даос из храма Синчжи, пришёл посмотреть, не нужно ли вам что-нибудь, отпустите меня скорее!»

«Ты? Даос? Глаза бегают, как у крысы!»

Чэнь Юанью ударил его ладонью и бросил на землю. Мо Лю потерял сознание, потерял сознание по-настоящему, в отличие от доктора Чжана.

Сяо Фу всё ещё сидел в комнате, играя в шахматы с Цзинь Цзунем, что было до скуки неинтересно, словно он просто развлекал ребёнка.

На границе ему всегда было так скучно.

Услышав шум, Сяо Фу спросил, и Чэнь Юанью ответил: «Маркиз, это был какой-то подозрительный мальчишка. Я только что видел его, он подслушивал нас за деревом, и у него даже не было даосского халата, а потом он переделся в даосский халат и прокрался сюда. Кто знает, что он хотел сделать!»

Сяо Фу не обратил внимания и сказал: «О», но краем глаза взглянул и узнал его.

Тот самый слуга, который с большой помпой обещал, что его господин сдаст на высший балл, станет первым на императорском экзамене и женится на принцессе.

Тот господин...

Сяо Фу тёр пальцами тёплый белый камень, его ресницы дважды дрогнули, он опустил глаза, думая о чём-то.

Юанью спросил: «Господин? Что с ним делать?»

«Брось его там, не обращай внимания».

Сяо Фу спросил: «Где Юаньцин? Тренируется с мечом?»

«Да, вернётся, наверное, только к часу собаки (19-21 часов)».

Зал Очищения Сердца.

Линь Цзыкуй ждал и ждал, видя, как темнеет, и тревожно бормотал: «Почему Мо Лю до сих пор не вернулся? Он же говорил, что быстро вернётся, неужели что-то случилось, и его схватили?»

«Нет! Я должен пойти и посмотреть».

Он снял повязку с глаз. После воздействия лекарства глаза были влажными, и он с трудом мог

видеть. Линь Цзыкуй поспешно переоделся в относительно подходящий даосский халат, торопливо обошёл несколько комнат и рядов деревьев, тихо прислонился спиной к стене и заглянул внутрь. Сквозь туман он смутно разглядел двух или трёх человек.

Слышались голоса, но он не мог разобрать слова.

«Кто?»

Линь Цзыкуй внезапно напрягся и присел, не ожидая, что его обнаружат, даже не войдя!

Большая рука схватила его за воротник.

«Вот так! Ещё один даос!»

Линь Цзыкуй взглянул на него, это был свирепый громила, и снова закрыл глаза: «Это недоразумение, брат, я... я пришёл кого-то искать».

«Кого ты ищешь?!»

«Моего... слугу. Мальчик, он непослушный, бегает повсюду, заставляя меня волноваться! Если он кого-то обидел, надеюсь, брат проявит великодушие и не будет обижаться на ребёнка».

Речь этого учёного заставила Чэнь Юанью потерять дар речи. Подумав некоторое время, он наконец придумал, что сказать: «Чепуха! Твой слуга подслушивал наши разговоры, притворялся даосом и пробирался сюда. Ты его хозяин? И ты тоже притворяешься даосом, как ты это объяснишь?!»

«Я... послал его кого-то искать». Линь Цзыкуй, которого держали за воротник, дважды попытался вырваться, но не смог пошевелиться, и, как перепелка, опустил голову.

Краем глаза он почувствовал, что кто-то подошёл.

«Говори честно! Кого ты ищешь?!» Говоря это, Юанью, похоже, заметил приближающегося человека, и его голос немного стих: «Госпо...»

Последний слог он проглотил, господин Сяо покачал ему головой.

«Господин, этот человек нечестен, его слова уклончивы, неизвестно, кто его послал и с какой целью», — Юанью свирепо взглянул, — «может, убить его?»

Лицо Линь Цзыкуя мгновенно побледнело, он поспешно сказал: «Я не вор, я пришёл искать вторую госпожу Сяо! Я думал, она живёт здесь! Всё это недоразумение! Я ошибся! Она здесь не живёт, и мы с моим слугой не имеем никаких злых намерений, брат, отложи свой меч! Не причиняй ему вреда!»

Чэнь Юанью был наполовину уверен, наполовину сомневался, хотел что-то сказать: «Тогда ты...» — но вдруг его прервал медленный голос сбоку: «Кто сказал, что ты ошибся?»

«Гос... господин?»

Чэнь Юанью удивлённо посмотрел на господина Сяо, его рука бессознательно ослабла.

Лишившись опоры, Линь Цзыкуй упал на землю, тяжело дыша, и сложил руки в приветствии: «Благодарю вас, два брата, за вашу милость, прошу прощения, прошу прощения...»

Господин Сяо медленно наклонился.

«Не нужно извиняться».

Ясный, чистый, игривый голос заставил Линь Цзыкуя поднять голову. Лицо, которое медленно приближалось, было достаточно близко, чтобы он, близорукий, мог ясно его рассмотреть – облик этого человека...

Линь Цзыкуй затаил дыхание, тупо уставившись.

Сяо Фу, казалось, был чрезвычайно заинтересован его глазами, опустил голову и пристально смотрел некоторое время, глубоко вглядываясь.

Затем он изогнул губы и сказал шёпотом: «Я и есть вторая госпожа Сяо. Господин Сяо Хуан, чиновник в Министерстве доходов, — это мой отец».

Линь Цзыкуй растерянно: «...А?»

—

Примечание автора:

Юань: ...???

Господин Сяо Хуан: !???

—

<http://bllate.org/book/14420/1274647>